

Традиции, связанные с юртой

Представления казахов, связанные с юртой, носят антропоморфный характер. Так, каркас юрты называется үйдің сүйегі – «скелет», «костяк» юрты, центр юрты – кіндік, «пуповина», гнезда обруча дымового отверстия юрты, куда вставляются купольные рейки, - уық көз, «глаза», арқасы, спина; боковые решетки – жамбас, «таз», тазовые кости. Антропоморфны названия не только всей конструкции юрты в целом, но и отдельных ее деталей. Место сгиба купольных реек уық называется уықтың иігі (ііні) – «плечо», уық; основание уық-қары, «предплечье». Кереге (раздвижная решетка юрты, состоящая из отдельных секций) подразделяется на керегенің басы – «голова» кереге; керегенің құлағы - «ухо» кереге; керегенің қасы – «бровь» кереге; керегенің көзі – «глаза» кереге; керегенің канаты – «крылья» кереге; керегенің аяғы – «ноги» кереге [1].

Уже в процессе изготовления юрты прослеживается дуальный принцип. В казахской традиции, как практически у всех тюркско-монгольских народов, юрту новобрачных готовили родственники невесты. Однако дверные косяки привозил с собой жених. По свидетельству Н.И. Гродекова, у казахов «...к торжеству бракосочетания, происходящему в ауле тестя, жених приезжает... привозя с собой... для новой кибитки чангарак (шанырак), дверные косяки и половину нужных кошом» [2].

Следующий этап освоения пространства – установка юрты – также подразделяется на мужскую и женскую функции. Установка купольного круга юрты шанырак – мужская функция, в то время как остальная работа – женская.

Отцовский дом, как и хозяйство, иносказательно обозначался қара шанырак (қара в значении «большой», «старший» и т.п.). После смерти отца он переходил к младшему сыну (кенже) и почитался как отцовский дом (қара шанырак) всеми другими родственниками независимо от их возраста по отношению к наследнику. Во время ежегодного зимнего убоя животных на мясо (соғым) в честь «қара шанырак» все близкие родственники приносили как бы «долю» (сыбаға). Когда остов юрты приходил в негодность, можно было менять практически любую деталь, за исключением шанырака, он передавался из поколения в поколение.

В казахском языке много фразеологизмов, связанных с шаныраком: «Шанырағың биік болсын! – Пусть будет высоко поднят шанырак твоей юрты!» - благопожелание по поводу установки новой юрты, образования новой семьи. «Шанырак көтерді – воздвиг, установил шанырак», т.е. стал самостоятельным хозяином, образовал семью. «Шанырағы ортасына түсті – шанырак упал на середину юрты» - это значит разрушение дома, семьи, уход благополучия, несчастье. «Құлаған шанырағың қайта көтерді – снова поднял упавший шанырак» в значении снова женился, восстановил семью, хозяйство [3].

Символом мужского начала являлся, по-видимому, бакан – деревянный шест с раздвоенным (вильчатым верхним концом).

Сфера практического применения бакана чрезвычайно обширна. Бакан использовался в родильной обрядности: он маркирует место родов и образует опорную конструкцию для роженицы. Так, у казахов бакан устанавливался во время родов в правой части юрты, на некотором удалении от входа. От него к решеткам юрты кереге протягивали конскую

уздечку так, чтобы она проходила у роженицы под мышкой. На эту конструкцию она опиралась во время родов.

Недоношенного ребенка по казахской традиции помещали на некоторое время в головной убор (калпак или тымак) его деда и подвешивали в центре сооружения из семи составленных в пирамиду баканов или же подвешивали шапку к верхним развилкам решеток юрты, керегенің басына, каждый день в течение сорока дней перевешивая на следующую развилку. До первого кормления новорожденного кладут у изножья бакана [4].

Бакан используется и в свадебной обрядности. У казахов во время сватовства, ритуальных игр со сватами баканом толкают, пихают (түртеді) сватов; им перегораживают невесте вход в юрту жениха. Бакан фигурирует во многих свадебных выкупах казахов, символизирующих плату за преступление, перешагивание чего-либо: бақан аттар – выкуп за позволение убрать преграду в виде бакана на пути жениха при входе в юрту к невесте; бақан салымдық или бақан салды – подарок женщинам за открытие войлочного покрытия купола свадебной юрты. Возможно, бакан осмысливался прежде всего как носитель плодородия, воплощения мужской потенции, олицетворял мужское начало. На это указывает, на наш взгляд, ряд запретов, соблюдавшихся в отношении бакана. Так, у казахов запрещалось бросать его на землю, держать его нужно в вертикальном положении (или подвешенном, или прилоненном к стене); запрещалось перешагивать через бакан. Как писал Ч.Ч. Валиханов, «не переходят через бакан: бақан аттаған байымайды – народная поговорка «переступивший через бакан не разбогатеет» [5].

Особенно строго этот запрет соблюдался женщинами в период беременности: чтобы не спуталась пуповина ребенка, она не должна перешагивать бакан. Как известно, запрет на перешагивание был чрезвычайно строг в кочевой среде и распространялся на широкий круг предметов, связанных с идеей размножения, плодородия: у казахов нельзя перешагивать через желі и көген, привязи для молодняка; женщине нельзя перешагивать через мужчину, иначе он утрачивает свою мужскую силу [6].

Таким образом, перешагивание осмысливалось как действие, способное лишать мужской силы, потенции; это же подтверждает приведенная Ч.Ч. Валихановым поговорка, поскольку богатство ассоциировалось с многочисленностью скота, получением большого приплода, то есть в основе та же идея размножения, рождения, плодородия.

Направленность символики юрты на обеспечение плодородия, плодовитости и т.д. выражалась и в цветовом оформлении интерьера жилища. В казахской юрте, как и в жилище большинства тюркских кочевых и полукочевых народов, в орнаменте тканых полос, ковров, занавесей и т.п. преобладал красный цвет, ассоциировавшийся с идеей оплодотворения, роста, размножения.

Особая сакральность наблюдалась у казахов и в отношении предметного набора, связанного с постелью. К постели новобрачных не допускали бесплодных женщин; в первую очередь постель молодых застилала многодетная, здоровая, благополучная в семейной жизни женщина.

Место складывания семейных принадлежностей жүк маркирует самую почетную часть юрты – төр – место, обладающее «наивысшей культурной ценностью» [7].

Следует подчеркнуть, что расположение почетного места төр – место, обладающее «наивысшей культурной ценностью».

Следует также заметить, что расположение почетного места практически во всем тюркоязычном мире маркировано противоположным положением от двери и стопкой постельных принадлежностей (кирг., каракалпак. – жүк, джук; узб. – юк жой; азерб. – юк ери) и не зависит от ориентации входа. 4 Также характерна последовательность складывания постельных принадлежностей; деревянная или каменная подставка жүк аяк или сундуки; затем войлоки или ковры, верхняя одежда (шубы, тулупы и др.); верхние ряды состоят из одеял и завершают, как бы венчают эту вертикальную конструкцию подушки. Отмечается и особенность складывания постельных принадлежностей: свертывание вещей в валик (особенно войлоков, ковров) и складывание их в несколько слоев, не простым сгибанием вдвое, вчетверо и т.п., а закладыванием по типу «вперед-назад».

По всей вероятности, столь устойчивое сохранение четкой маркировки почетного места төр постельным вещевым комплектом, вертикальной структуры, строгой последовательности его слоев и особого способа складывания связано с представлением о связи с понятиями «плодородие (плодовитость) – богатство – счастье». На эту мысль наводит ряд казахских запретов, связанных с жүк: нельзя взбираться на него (жүктің үстіне шықпа), иначе благополучие, счастье уйдет (бақ кейін кетеді), станешь бедным (кедей боласың); это грех (обал болады); нельзя перешагивать через подушку, наступать на нее и т.п.

Разделение на мужскую и женскую половины строго соблюдалось в традиционном быту кочевников [8].

Правая (мужская) сторона (оң жақ) являлось наиболее сакральной частью юрты. Она была местом проведения обрядности, отмечающей наиболее важные кочевые этапы жизненного цикла. Символика юрты, связанная с социализацией ее обитателей, чрезвычайно насыщена. Правая часть юрты более всего связана с идеей ритуального перехода. Так, у казахов здесь происходили роды; на этой половине юрты во время свадебных церемоний усаживали за занавеской невесту, здесь находились молодые во время мусульманского обряда бракосочетания; на этой половине происходило обмывание и обряжение покойного. «В ауле невесты приехавшему за ней жениху ставили отдельную юрту. В ней было определенное место для жениха – «оң жақ». Это место было постоянно установленным местом жениха в дальнейшем» [1]. Девичий костюм невеста снимала также на правой половине юрты, при этом имитировала некоторое сопротивление [9].

У казахов правая сторона также обозначала место взрослой на выданье дочери. По-видимому, до достижения этого возраста место дочерей на женской, левой половине, рядом с матерью. Но по достижении «брачного» возраста и до свадьбы она пересаживалась на правую сторону. Существует выражение: оң жақтың қызығын көрді – «увидела, познала радости, удовольствия правой стороны». Смерть жены, следовательно, состояние вдовства считалось большим несчастьем у казахов. Такой мужчина назывался «үйі сынық», буквально «(его) юрта сломана». И. Алтынсарин писал: «У казахов считается унижением, если дочь его сватает вдовец. Такие женихи называются үйі сынық, т.е. ломаная кибитка, выражая понятие разоренности» [10].

Снохе нельзя ложиться на постели свекра и свекрови, иначе у нее заболит поясница и отнимутся ноги (аруақтарды сыйламаса, аяғы ауырады, белі ауырады).

Чрезвычайно сложна символика смерти, отраженная в юрте. Юрту, в которой кто-либо умер, легко было отличить по внешнему виду: ее выделял среди других юрт прежде всего траурный флаг, описание которого часто встречается в литературе. И. Алтынсарин приводит описание траурной юрты казахов: «На левой стороне ее (юрты, по-видимому, это левая от входа, но правая, т.е. мужская, от почетного места) ставят длинное копьё, которое конечностью (концом) выходит наружу. На самый верх копья привязывают большой платок, смотря по тому, если умерший – был молодой, то красный, если средних лет – черный, если старик – белый». Цель этого – чтобы приезжающий знал по выставленному знаку, кто в кибитке той умер и каких лет» [11].

Практически вся символика юрты, связанная со смертью, выражала идею принадлежности миру мертвых, все действия совершались с противоположным знаком. Так, у казахов в прошлом всадник на скаку отбрасывает войлочное покрытие купольных жердей юрты со стороны двери (алдыңғы үзік), называемое киіз үйдің маңдайы, т.е. лоб юрты; үзігін үзіп кетеді, «обрывает үзік». Войлочную надверную накидку, которая в обычное время сворачивалась рулоном по направлению к внутреннему пространству юрты, т.е. вниз, скатывали в обратном направлении, в сторону купола юрты, вверх. Поэтому запрет есікті қайырма (запрет на неправильное, как бы «наизнанку» сворачивание войлочного надверника) строго соблюдается казахами в обычные дни.

При оплакивании покойного женщины вставали спиной к очагу, лицом к решеткам юрты (в обычной ситуации это нежелательно, поскольку очаг – семантический центр, наиболее ритуальное место в юрте). И. Алтынсарин писал о казахах: «Жена умершего, ее дочери, родственница и аульные женщины встают каждый день (до поминок) с восходам солнца и в продолжении трех-четырёх часов, обратив лицо к решеткам кибитки, громко поют плачевные песни по умершему, называемые дауыс».

Огонь в юрте, отмеченной смертью, не разводился, на нем не готовили пищу. С этим связан запрет в обычные дни не выносить излишки топлива из юрты («чтобы в этой юрте не было покойника»).

Этикетные нормы традиционного кочевого общества, в частности казахского, запрещали подъезжать к аулу и юрте на скаку или бегом (ауылға қарай шапша, жүгірме) – это также считалось знаком известия о чьей-либо смерти. Входить в юрту следовало друг за другом; одновременное перешагивание порога с кем-либо осуждается, поскольку это разрешается только во время похоронно-поминальных обрядов.

Другим проявлением ситуации «смерть» являлось разрушение деревянного остова юрты, особенно дверных косяков. Как отмечал Ч.Ч. Валиханов, у казахов «если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая с криком «ой бауырым» («о, мой родственник»; бауырым – «моя печень»), устремляется в юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить дерево (юрту, босаги-косяки)» [12]. Возможно, с этим связан запрет в обычной ситуации вставать на порог и опираться, прислоняться к дверному косяку, держаться за притолоку и т.п. – босағаға тұрма, жетім боласың («не вставай на порог, осиротеешь»).

В целом выражения, характеризующие целостность, сохранность, устойчивость деревянного остова юрты и ее войлочных покрытий, символизировали у казахов благополучие семьи, рода и т.д., например, босағасы берік, «дверные косяки его устойчивы», означает «крепкий, нерушимый, прочный, основательный», благопожелание «Босағаң берік болсын! Пусть будут устойчивы дверные косяки твои!» означает пожелание здоровья, благополучия семье; отбасы, ошағының бұты аман («очаг его и ножки треножника для установки котла целы») означает «благополучен его дом, его семья, род-племя». Напротив, разрушение этих элементов юрты, нарушение устойчивого равновесия обыденной жизни означало хаос, смерть. Так, выражение ошағын талқандады («разрушил его очаг») означает «разрушить, погубить дом, семью»: босағасын шапты («порубил дверные косяки») означает враждебные действия, демонстрацию неприязни, силы; шаңырағын ортасына түсірді («сбросил шанырак на середину юрты») означает разрушение дома, семьи, хозяйства, уход благодати – благополучия [13]. Верой в духа-хозяина юрты объясняется предписание снохам: үйге сәлем беру – «приветствовать юрту» (в прежние времена сноха при входе в юрту преклоняла колена), даже если юрта пустая. Возможно, произошло совмещение почитания духа – хозяина юрты и отдельных ее частей с культом духов-предков (аруак), устойчиво сохраняющихся вплоть до наших дней в мировоззрении казахов.

2. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – Т. 1. – С. 66.; Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. – А.-А., 1997.
3. Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. – А.-А., 1977. – С. 549.
4. Там же. С. 508.
5. Валиханов Ч.Ч. Тенкри (бог) // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1961. – Т. 2. – С. 30.
6. Там же. С. 38.
7. Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. – М., 1964.
8. Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. – М., 1964. – С. 48.
9. Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. – Нукус, 1975. – С. 82.
10. Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // Записки Оренбургского отделения Императорского Русского Географического общества. – Казань, 1870. Вып. 1. С. 25.
11. Там же. С. 30.
12. Валиханов Ч.Ч. Тенкри (бог) // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1961. – Т. 2. – С. 115.
13. Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. – А.-А., 1977. – С. 124, 421, 424, 558.

Материал предоставлен Научно-экспертным советом Ассамблеи народа Казахстана, статья из книги д.п.н., профессора А. Калыбековой «Народная мудрость казахов о воспитании», Алматы, 2011 г.